

ЛАРА САДОВСКАЯ

ЧИЖ

НЕВЕРОЯТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
СТРАННОГО МАЛЬЧИКА

Художник
Ольга Окунева

Лара Садовская
Чик. Невероятное путешествие
странного мальчика

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51074238
ISBN 978-5-906097-63-7

Аннотация

В этой книге живёт волшебная сказка о мальчишке, который однажды догадался, что обладает необыкновенным даром. Как им распорядиться он не понимал и потому натворил много бед, стал грустным и одиноким. Чтобы разобраться в себе, Чик отправился в путешествие, полное приключений.

И дети, и даже взрослые, прочитав эту невероятную историю, узнают вместе с Чиком, как воображение может изменить всю жизнь. И наверняка придумают, что делать с волшебными дарами, которыми обладают они сами.

Содержание

1	5
2	11
3	19
4	26
5	30
6	34
7	43
8	46
9	49
10	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Лара Садовская
Чик

Невероятное путешествие странного мальчика

Охраняется законом об авторском праве. Все права защищены.

Полная или частичная перепечатка издания, включая размещение в сети Интернет, возможна только с письменного разрешения правообладателя.

© Лара Садовская, текст, 2019

© Ольга Окунева, илл., 2019

© Издательство Кетлеров, 2019

1

Старший Брат смотрел на Чика с подозрением.

– Ты опять рассказывал? Я же тебе велел... Я же тебе запретил!

– За что ты меня ругаешь?

– Из-за тебя надо мной все смеются. Долго ещё так будет продолжаться? – Старший Брат уже кричал. Он топал ногами, он визжал. Никак ему было не сдержаться.

Чик стоял опустив голову. Он так устал от этой ругани! Сколько же ещё на него будут вот так кричать? Над ним насмеются, ему вслед тычут пальцами... А почему?

– Ведь ты всё врёшь! Зачем ты врёшь? – свирепо вопрошал Старший Брат, нависая над Чиком. – Зачем все эти рассказы о всяких там говорящих цветочках и зверюшках? Во что это у тебя превращаются коряги?

– Но ведь это правда, я рассказываю о том, что сам видел.

– А-а-а... – Старший Брат прямо-таки зарычал. Он занёс над Чиком кулаки. – Вот я тебя сейчас точно превращу. Я превращу тебя в котлету!

Чик увернулся от кулаков и отбежал в другой угол двора.

– Ну хорошо, хорошо... – Старший Брат решил изменить тактику. – «Повыспрошу поподробнее, – думал он, – может, пойму, как его остановить».

– Послушай, – как можно ласковой сказал Старший

Брат, – Расскажи-ка мне, что ты им говорил в последний раз.

Чик удивился. Зачем Старшему Брату вдруг понадобилось слушать истории, которым он не верит?

– Да не бойся ты, – уговаривал Старший Брат, – подойди. Я ничего тебе не сделаю.

Чик медленно подошёл. Ему не хотелось рассказывать. У него была такая чудесная встреча! Ему так приятно вспоминать её. И если кто-то опять будет насмехаться над ним... Зачем тогда говорить? Может, действительно перестать рассказывать им и сохранить ЭТО в себе? Внутри ЭТО целее будет.

– Ну! – настаивал Старший Брат.

Всё было очень просто, но как это объяснить?

Чик лежал на опушке леса и смотрел на проплывающие над ним редкие облачка. Вдруг одно облако остановилось. Ему не хотелось плыть дальше, оно улыбнулось Чику.

– Как ты думаешь, кто я? – спросило Облако.

– По-моему, ты круторогий баран, – ответил Чик, ничуть не удивившись.

– Бе-е, – заблеяло Облако. – Вот, значит, как я выгляжу со стороны.

– А кем бы ты хотело быть? – поинтересовался Чик.

– Да что зависит от моего желания? – понуро спросило Облако. – Мной командует ветер. Что захочет, то и сделает.

– Да? – Чик даже приподнялся. – А мной командует Старший Брат. Он тоже что захочет, то и сделает.

– Посмотри, кто я сейчас, – попросило Облако.

– Ой, ты медведь, – удивился Чик.

– Ы-ы-ы, – зарычало Облако.

– А ты чувствуешь, когда меняешься?

– Иногда – да, иногда – нет. Порой меняешься так быстро, что не успеваешь побыть кем-то, как ты уже другой. А иногда ты думаешь, что ты ещё ТОТ, и чувствуешь себя прекрасно, а тебе говорят: «Ты что! Ты уже не ТОТ».

– Трудно, – вздохнул Чик.

– Трудно, – согласилось Облако. – И, главное, не успеваешь в себе разобраться. Только придёшь в себя... в нового себя... как пора уже уходить.

– Так и с людьми бывает, – утешил Чик.

– Да? – прорычало Облако. – Не знаю, человеком я ещё никогда не было. И, кстати... – вдруг запищало оно.

– Ты чего пищишь? – удивился Чик.

– Я думало, что я уже мышка, – смутилось Облако. – А разве нет?

– Скорее, носорог.

– Ага... – громко затопало ногами Облако.

– Ты что-то хотело сказать, – напомнил Чик.

– Забыло. От этих превращений всё время теряешь память. Баран и носорог ведь по-разному помнят. И вообще они разные.

– Не обращай внимания, – уверенно сказал Чик. – Ты помни, что ты облако. Это главное. Даже если превращаешься.

– А, вспомнило! – обрадовалось Облако. – Всё время теряешь себя. А попробуй-ка найти, когда ты потерялось. Знаешь как трудно! – жаловалось Облако. – А тут ещё ветер

по дороге кусочек за кусочком от тебя отдувает. Не успеешь оглянуться – у тебя уже того нет, другого нет. Как тут себя найдёшь?

– А хочется?

– Да это просто необходимо! Но ветер мешает. Всё время заставляет быть кем-то другим.

– А ты пробовало с ним бороться?

– С кем, с ветром? Да что ты, он сильнее. Как дунет – и нет тебя.

– А ну-ка посмотри по сторонам! – засмеялся Чик. – Что ты видишь?

– Ничего особенного. Всё как обычно. Небо... облака бегут...

– Ага, они бегут. А ты?

– О! – изумилось Облако. – А я – нет.

– Вот видишь! Захотело – и остановилось. И ветер тут ни при чём.

– Мне полезно разговаривать с тобой. Это очень помогает, – прижмурившись и обмахиваясь длинным лисьим хвостом, сказал Облако. – Но не надо так часто о ветре. Он может услышать.

И ветер, наверно, услышал, потому что он вдруг налетел, закружил. Облако не удержалось на месте и побежало догонять другие облака. Оно только успело крикнуть:

– Мне ещё надо с тобой поговорить! Приходи сюда завтра в это же время! Я постараюсь прилететь!

– Приду! – крикнул Чик.

Этот разговор Чик и передал Старшему Брату. Не так подробно, конечно. Зачем ему подробности? Но и этого было достаточно, чтобы Старший Брат позеленел от злости.

– Значит, ты спешишь теперь туда, чтобы продолжить разговор? – издевательским тоном спросил Старший Брат.

– Да, – ответил Чик. – Мне бы не хотелось заставлять его ждать. Ведь Облаку очень важно найти себя.

– Так, – рявкнул Старший Брат, – и ты ему в этом помогаешь.

– Да, – скромно ответил Чик.

– А мне по хозяйству помочь ты не хочешь?

– Разве это так же важно? – удивился Чик.

– Нет, вы посмотрите, какая наглость! – закричал Старший Брат. – Лентяй! Лежебока! С облаками разговаривать каждый может, а вот огород вскопать...

– По-моему, наоборот, – смиренно ответил Чик, – огород сможет вскопать каждый, а вот понять облако ты, например, не можешь.

Этого ему, конечно, не следовало говорить. Старший Брат налетел на него с кулаками и принялся дубасить. Как Чик ни уворачивался, ему здорово досталось. Старший Брат лупил его и при этом зло выкрикивал:

– На огород! Немедленно! Лопату в руки! Лентяй! Дармоед! Ещё одна выдумка, и я тебе голову оторву!

2

Итак, Чик оказался на огороде. Он ковырял лопатой землю и разговаривал сам с собой:

– Конечно, Старший Брат имеет право командовать мной. Ведь он заменил мне отца и мать. Он заботится обо мне, кормит меня... Но я же никогда не отказываюсь помогать ему по хозяйству!

И правда, у Чика было немало обязанностей: он вскапывал и засаживал огород, чистил хлев, косил и запасал на зиму сено, кормил всю живность, которая имелаась в хозяйстве... Он помогал Старшему Брату перекладывать крышу и чинить забор, заготавливать на зиму дрова и собирать урожай. И много разного другого делал Чик, иногда он так уставал, что засыпал прямо на ходу. Но Старшему Брату всегда казалось, что он делает недостаточно. Старший Брат просто закипал, если видел, что у Чика выдалась хоть одна свободная минутка. Он сразу налетал с кулаками, обзывал Чика лентяем и дармоедом, не скупясь, отвешивал тумачи и затрещины. Чик у оставалось только уворачиваться – Старший Брат был большой и сильный, Чик ни за что бы с ним не справиться.

Вся эта работа по хозяйству была тяжёлой и далеко не всегда приятной. Зато всё, что окружало Чика, казалось ему интересным и достойным внимания. Поэтому он старался не думать о том, как ему трудно. От усталости он отвлекал се-

бя разговорами с любой живностью, которая попадала ему на глаза. Вот это было действительно здорово! На такое не было жалко ни сил, ни времени. Дождевой червяк на огороде неторопливо описывал ему свою жизнь под землёй, пчёлы спорили о лучших медоносах, листья жаловались на личинок, которые их поедают, а личинки – на птиц, которые их склёвывают. Птицы делились трудностями выращивания птенцов, коровы в хлеву рассказывали о самых вкусных и пахучих травах, роса могла поведать о великом путешествии дождевой капли, которой она доводилась родственницей...

Чик не стеснялся вмешиваться в такие разговоры, переспрашивать, уточнять. Ему нравилось узнавать новое, неизвестное, ему хотелось дружить, помогать, делиться тем, что знал он сам... Порой он так увлекался беседой с какой-нибудь букашкой, что даже не замечал, как за ним наблюдает сосед или соседка, а то и целая ватага деревенской детворы. Не видел он и того, какие у них при этом лица – удивлённые, сердитые, насмешливые, возмущённые: чем это он там занимается?! К действительности его нередко возвращал удар в спину или в затылок – в него летел ком земли или камень, брошенный озорным мальчишкой. Чик оборачивался, как испуганный зверёк. И слышал:

– Эй, дурачина, ты с кем там сейчас болтал?

«Дурачина...» Они всегда так его называли. Даже имя его, кажется, позабыли. Они говорили:

– Слыхали, что дурачина вчера учудил?

Или:

– А наш-то дурачина намедни опять козе зубы заговаривал.

Или:

– Такая умора с этим дурачиной – я слышал, как он уговаривал редис и горчицу не ссориться!

Именно это особенно злило Старшего Брата: Чик ведёт себя не как все, а потому выглядит нелепым и смешным. Чик позорит его! Старший Брат боялся, что люди и его могут счесть таким же дурачиной. И поэтому запрещал Чик рассказывать о беседах с цветами и травами, птицами и насекомыми. А Чик хоть и видел, конечно, что над ним смеются, но думал: если получше объяснить, какие важные и интересные вещи происходят у всех под носом, то, может, они поймут?

«Чего он так разъярился? – думал Чик о Старшем Брате. – Я же не сделал ему ничего плохого! Он говорит, что над ним смеются из-за меня. Но ведь они смеются не потому, что я сделал что-то глупое. Они сами глупы. Почему они возмущаются? Разве так трудно сообразить: всё вокруг живое – деревья, камни, ветры... Значит, они могут говорить. Надо только слушать, и тогда уловишь их язык.

Если я помог разобраться в старом споре стрекозе и муравью, что ж тут смешного? Ведь каждый из них по-своему прав. Живут они совсем по-разному, поэтому им так трудно понять друг друга. В этом-то всё и дело.

Или когда я с соседским ослом занимался музыкой... По-

чему все решили, что я дурак? Ослы очень музыкальны на самом деле. Только у них совсем другое представление о музыке. И, если хорошенько подумать, чем оно хуже? А они сразу – дурачина!»

Таких примеров у Чика было великое множество. Он в сердцах бросил лопату.

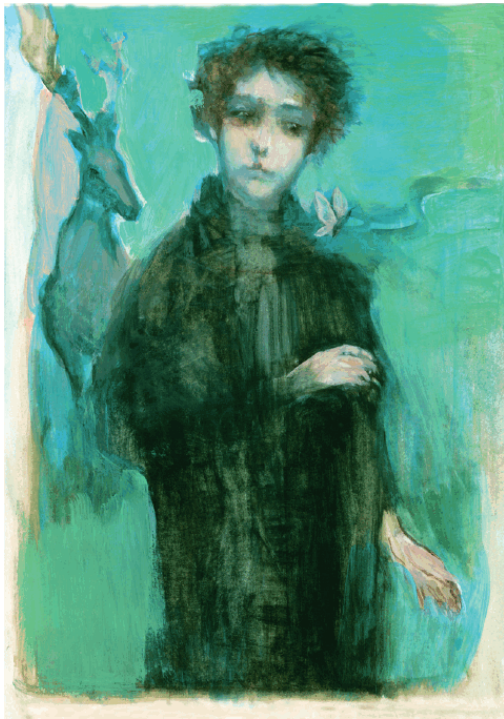
– И они ещё смеют считать себя умными! Да мне самому впору над ними посмеяться. Они даже не могут взять в толк, что всё вокруг изменяется! И что это зависит от нас! Поэтому я должен быть там!

– Это ведь тоже работа! – закричал Чик неизвестно кому. – То, что я делаю, это работа! Меня ждёт Облако! Сейчас это важнее, чем огород!

Чик стал потихоньку пробираться к калитке.

– Голову мне оторвёт, – бормотал он. – Только угрозы от него и слышу. Надоело уже!

Чик выскочил за калитку и припустил к полю, за которым виднелся лес. Но он, конечно, не укрылся от многих глаз, следивших за ним из-за заборов деревенских домов. Вслед ему улюлюкали, пищали, кричали, обзывались... И ему было невыносимо горько. Он бежал и чувствовал, как они его не любят, как хотят для него неприятностей. Он только никак не мог понять почему.

Эти злые взгляды, крики, насмешки прямо толкали его в спину, и он мчался без оглядки. А на опушке леса споткнулся о корень дерева и упал.

Чик был сердит на тех людей из деревни, но упал-то он из-за корешка и поэтому закричал на него:

– Ах вот как! Ещё ты тут будешь за ноги хватать! – Он зло пнул корень ногой и посмотрел на него так, как смотрели на

самого Чика его односельчане.

И вдруг... корешок прямо на глазах Чика стал корёжиться, сворачиваться, а потом обуглился и рассыпался.

Чик сразу остыл.

– Что же это такое? – забормотал он. – От одних только слов... от одного только злого взгляда...

Чик ещё раз посмотрел на то место, где раньше из земли торчал большой корень. Теперь его там не было. Корень принадлежал высокой сосне. Чик поднял глаза и увидел, что сосна плачет. Ей было больно. И к тому же она знала, что может погибнуть, ведь корни питают дерево. А это был большой корень.

– Что же делать? – в растерянности лохматил волосы Чик. – Я и по себе знаю, как плохо бывает от недобрых слов. Но чтобы так?!

И тут Чика осенило. Теперь надо сделать всё наоборот, и тогда...

– Ты хороший корень, – внушительно сказал Чик. – Ты нужен дереву. Я прошу у тебя прощения. Возвращайся.

Но ничего не изменилось.

– Возвращайся же! – в нетерпении топнул ногой Чик.

Но всё осталось по-прежнему.

– Тебе же хуже! – закричал на пустое место Чик. – Не хочешь – не надо. Пусть дерево засохнет.

Чик сегодня был ужасно зол, иначе бы он никогда так не сказал. Старший Брат ругал его и бил, люди смеялись над

ним и толкали в спину злыми взглядами, корешок не слушался...

– Не хотите – не надо! – закричал Чик. Это уже относилось ко всем на свете. – И не буду я ничего... и не надо мне... и наплевать... Всё! Обойдусь без вас! Подумаешь, сказал ему плохое слово! Рассыпался он. А я-то как же ещё не рассыпался? Мне ведь только плохие слова и говорят. Хороших-то я и не помню. Меня бьют, издеваются надо мной, заставляют быть кем-то другим, а не самим собой... А я ничего – терплю, не рассыпаюсь. А зачем терплю? Потому, что не умею с ними справиться. – Чик даже остановился. – Нет, больше я терпеть не стану. Справлюсь не справлюсь, а терпеть не стану.

Чик совсем позабыл о своём облаке и, размахивая руками и раздражённо мотая головой, шёл вглубь леса.

– Отстаньте вы! – кричал он на ветки, цеплявшие его за одежду, и они никли, обугливались и опадали.

– Да пропадите вы! – кричал он на деревья, вставшие у него на пути, и они валялись и погружались в землю.

– Исчезни! – злился он на высокую траву, и трава вяла и исчезала под его ногами, обнажая землю.

Там, где прошёл Чик, пролегла страшная чёрная неживая просека. Но он этого не замечал. Он шёл и злобно кричал:

– Я не позволю вам смеяться надо мной! – хотя в лесу-то никто никогда над ним не смеялся. – Я вам покажу, как меня обижать! – хотя в лесу-то никто никогда его не обижал. – Я вам такое устрою! – а ведь уже устроил.

Чик! Что с тобой, Чик?! Ты был добрым и отзывчивым. Ты любил тех, кого сейчас обижаешь. Неужели чужая злоба захватила и твоё сердце? Чик!

Не отвечает. Идёт напролом и ничего вокруг не видит.

3

Когда Чик набегался, накричался и измотался вконец, он почувствовал, что голоден, и решил вернуться домой. Уже подходя к деревне, он услышал крики Старшего Брата:

– Пусть только этот дармоед появится... Я ему покажу! Он у меня больше ни крошки не получит! И выдумки свои из головы выбросит, вот увидите! Теперь я за него возьмусь!

Раньше, услышав такое, Чик испугался бы, но сегодня только усмехнулся. «Интересно, – подумал он, – кто из нас сейчас злее? Чьё зло перевесит?»

Вокруг Старшего Брата стояла целая толпа односельчан. Они сочувственно кивали и поддакивали:

- Да-да, надо его проучить.
- Сколько можно терпеть его рассказы?!
- Да-да, он совсем заврался.
- И к тому же обленился!

Завидев Чика, люди расступились. Старший Брат оказался в центре круга. Он стоял, широко расставив ноги и уперев руки в боки, как будто приготовился к драке. Чик спокойно приближался к нему по тропинке, словно и не замечал всех собравшихся.

Старший Брат был уверен, что Чик вернётся съёжившимся, понурым, испуганно ожидающим головомойки, поэтому очень удивился и разозлился ещё больше, увидев, как он спо-

коен.

– Вы только посмотрите! – вскричал Старший Брат. – Идёт как ни в чём не бывало! Опять где-то прохлаждался! С огорода удрал! Сейчас начнёт нам свои дурацкие сказочки рассказывать!

Все захохотали, зашумели, закричали:

– Пора устроить ему головомойку!

– Один он отлынивает от работы!

– Сколько можно слушать его враки?!

Кольцо вокруг Чика стало сжиматься.

Старший Брат закатал рукава рубахи и ухмыльнулся:

– Ну ничего, сейчас он у меня узнает! Сейчас он получит сполна!

Но, ко всеобщему изумлению, Чик не испугался, не втянул голову в плечи. И хотя в душе у него всё клокотало, он решил попробовать договориться, чтобы не доводить дело до беды.

– Почему ты нападаешь на меня? – спросил он тихо. – Ведь ты мой Старший Брат, ты должен защищать меня. А ты позволяешь всем смеяться надо мной.

– Что-что?! – Старший Брат даже слегка опешил. – Ты, значит, будешь всем головы морочить, дурака валять, а я тебя защищать?! Ну нет! Сейчас ты получишь такую трёпку, что впредь неповадно будет!

Люди одобрительно зашумели, а Старший Брат двинулся на Чика:

– Я из тебя всю дурь вышибу! Я тебе сейчас покажу и облака, и муравьёв, и прочую дребедень! Небо с овчинку покажется!

Раздался довольный смех, послышались возгласы:

– Давай-давай! Врежь ему!

– Ты уж постарайся для нашего удовольствия!

Чик понял, что договориться не удастся. Он встал, широко расставив ноги, и посмотрел на всех таким же ненавидящим взглядом, каким смотрели на него самого. Он больше не мог сдерживаться. Он ткнул пальцем в сторону Старшего Брата и закричал:

– Лучше замолчи! Ты ведь и разговаривать не умеешь! Ты же верещишь, как свинья! И за столом чавкаешь да сопишь! Ты только и умеешь, что копать в земле! Но ты дикая свинья! Злобная! Безмозглая! Ты кабан! Зачем тебе быть человеком, если ты кабан?! Что пользы в тебе?! Но раз ты кабан, так и будь кабаном!

Кулак Старшего Брата так и не обрушился на Чика. Не успел. Лицо Старшего Брата стало вдруг вытягиваться, из растянутого рта показались клыки. Одежда свалилась, и под ней обнаружилось тело, покрытое грубой шерстью. Оно корёжилось, крючилось... Ещё мгновение, и перед поражённой толпой оказался здоровый кабан, тоскливо верещавший что-то похожее на «Ой-ой-ой!».

Все в ужасе замерли. Чик и сам не ожидал такого потрясающего эффекта. Но он пришёл в себя раньше остальных.

И, вертясь в кругу односельчан, зло закричал:

– А вы!.. Вы!.. Вы гнусные подвывающие шакалы! – Он тыкал пальцем в кого попало. – Вы гиены! – И опять тыкал пальцем. – Легко было вам всем нападать на меня одного! Кролики, трусливые кролики! – Чик тыкал и тыкал без разбора в визжащих от ужаса, разбегающихся людей.

И те, на кого этот палец попал, убегали уже шакалами, гиенами, кроликами, разлетались летучими мышами и уползали глупыми ужами. Они искали спасения в своих прежних домах. А Чик бежал за ними, преследовал их и всё тыкал и тыкал пальцем.

Наконец догонять стало некого. Все скрылись. Но Чик никак не мог успокоиться. Он шёл и кричал:

– Вы звери! Жили как звери, зверями и стали! Теперь на вас можно охотиться. Я буду теперь охотиться на вас! Гнать вас! Как раньше вы гнали меня!

Он забежал в первый попавшийся дом. Там, прячась по углам, прижимаясь к стенам, укрываясь под столом, дрожали кролики, шакалы, ужи и жабы...

– Ха-ха-ха! – захохотал Чик. – Ничего себе семейка! Да вы сами друг друга сожрёте! Мне и стараться не надо.

Чик стал бегать из дома в дом. И везде была одна и та же картина: дрожащие, жмущиеся по углам звери, вой и рычание, писк и поскуливание...

– Прекрасно! – хохотал Чик. – Кем были, тем и стали. Некому теперь бить меня, издеваться надо мной, смеяться мне в лицо. – Я победил! – торжествовал Чик. – Теперь я свободен и могу делать что захочу.

Но сейчас ему, кажется, ничего не хотелось. Он вдруг почувствовал, что страшно устал. Тяжело ступая, он направился к своему дому. Во дворе было тихо. По всей деревне сто-

яла тишина. Не было слышно привычных звуков: стука топора, лязга пилы, шума льющейся из лейки воды, звона мисок на кухне...

– Вот и хорошо, – насупив брови, сказал Чик. – Ничего не мешает. Можно спокойно выспаться.

Он лёг и сейчас же заснул. И приснилось ему Облако, которое ждало его сегодня, да так и не дождалось. Оно укоризненно качало головой кабана и говорило: «А ты знаешь, как трудно превращаться... Ведь потом найти себя – целое дело...»

От этого сна Чик сразу проснулся. Да, он забыл встретиться с Облаком. Как же так?!

В этот миг мимо его дома с воем пробежал шакал.

– Ха-ха, – усмехнулся Чик. – Подумаешь, Облако! Я сегодня сделал дела поважнее.

Он опять улёгся и заснул. И больше ему уже ничего не снилось.

4

Когда Чик проснулся на следующий день, стояла такая же тишина, как накануне вечером. В первый раз его никто не будил спозаранку – солнце стояло уже высоко. Чик, улыбаясь, потянулся. У него было прекрасное настроение. Никто не бьёт его кулаком в плечо, чтобы вставал, никто не кричит на него, никто не заставляет делать массу всяких скучных дел. Ухмыляясь, он радостно приговаривал: «Свобода! Свобода! Делай что хочешь!»

Первым делом захотелось есть. Ведь Чик лёг спать, не поужинав. Он полез по котелкам и мискам, но в них мало что осталось – ведь никто не готовил ни ужин, ни завтрак. Однако кое-что нашлось, и он наелся. Позавтракав, Чик совсем развеселился и, бормоча: «Свобода... свобода...», выбежал на улицу.

Деревня как будто вымерла. Не скрипели ворота колодезцев, не перекликались на поле или огороде люди, никто не напевал, копаясь в земле, хозяйки не кликали цыплят: «Цып-цып-цып...» Только мычали жалобно недоенные коровы да всхрюкивали время от времени некормленные свиньи, а то вдруг куры всклохотнут да смолкнут в испуге... Но от этих звуков вокруг будто тише становилось. Превращённые в зверей люди не то разбежались, не то попрятались, а те, кто чудом успел ускользнуть от пальца Чика, уж наверняка

скрылись куда-нибудь подальше – в лес или в соседние деревни.

Повисла мёртвая тишина. Может, она и напугала бы кого другого, но не Чика. Он был доволен, что ему никто не мешает. Сначала ему захотелось обойти деревню. Давно уже он не мог спокойно пройти деревенской улицей. Вечно ему вслед улюлюкали, а могли и бросить в спину чем-нибудь: яблоком, камнем или просто куском грязи. Ему могли подставить ножку, чтобы он плюхнулся в лужу, или вылить из-за угла целое ведро помоев...

А сейчас он шёл, победно глядя в пустые окна домов, плевал сквозь зубы на заборы и калитки главных своих обидчиков и, прищутив глаз, сбивал палкой подсолнухи, будто головы не уничтоженных ещё врагов. Эта прогулка по деревне наполнила его гордостью за одержанную победу и презрением к побеждённым – исчезнувшим обидчикам.

Чик не пытался разобраться в себе, не думал, как и что получилось. Ему это не казалось странным. Ведь раньше он мог разговаривать с тем, что мы называем природой. Так что же удивительного в том, что теперь он смог вмешаться в её дела? Ему казалось, что он просто всё расставил по местам.

«Кто кем был, тем и остался, – думал он. – Они просто облик изменили на более подходящий. Но ведь тогда может быть и наоборот: и зверь примет

облик человека, если достоин этого. Ого, – обрадовался Чик, – это интересная мысль, надо будет попробовать!» – И он помчался в поле.

Но ни в поле, ни в лесу он в этот день никаких зверей не встретил. Наверно, спрятались от него? Да нет, не в этом дело, пожалуй. И с травинками-былинками, и с жучками-червячками он сегодня что-то не поболтал. Не хотелось?

Чик и сам не знал. Но как-то по-другому ходил он по лесу и по полю. Как ни был он сегодня счастлив, а чего-то ему всё же не хватало.

К вечеру, изрядно устав, вернулся Чик в пустую деревню. Нашёл в каком-то доме кусок хлеба и кашу, поел да и улёгся спать. И хоть устал, а заснул не сразу. Некому рассказать о своих подвигах. Не перед кем похвастаться. Никто не ругает – это правда. Но некому и похвалить его. Не с кем словом перекинуться. Один. Совсем один. Этого ли ты хотел, Чик? Ворочается, пытается уснуть. Лежит и всё слушает и слушает тишину... И она нравится ему всё меньше и меньше.

5

Прошло несколько дней. Те из односельчан Чика, кто уцелел, попрятались в соседних деревнях. Там они рассказали об ужасной расправе Чика. Люди слушали и не верили своим ушам. Неужели такое могло случиться? Старики качали головами: за всю свою жизнь они не слышали столь ужасных историй. Их бабки и деды, рассказывавшие им когда-то былины и сказки своих бабок и дедов, никогда не говорили, что такое может быть. Люди волновались, они не могли работать, только обсуждали и обсуждали подробности происшествия. И без конца расспрашивали и переспрашивали очевидцев, задавали одни и те же вопросы, но всё равно ничего не понимали.

– А раньше он кого-нибудь превращал?

– Не знаем, мы никогда этого не видели.

– А раньше он что-нибудь необычное делал?

– Да нет, только рассказывал глупости разные.

– Какие?

– Ну что он со всякими червяками разговаривал, муравьёв каких-то мирил, ещё гусенице помогал бабочкой скорее стать...

– А он это делал?

– Откуда нам знать? Может, делал, а может, нет. Раньше-то мы точно знали, что всё это враки, что он обыкновенный дурачина. Значит, не делал. А теперь мы таких чудес насмотрелись... Видно, и эти байки правдой были. Значит, делал.

– Эй, послушайте, мы не понимаем: вы ему верили или нет?

– Раньше не верили. Мы смеялись над ним.

– А теперь верите?

– Не знаем, верить или нет. А только теперь мы плачем.

– А раньше он что-нибудь злое делал? Такое, чтобы вы плакали?

– Нет, не делал. Раньше только смешно было.

– Вы смеялись, а он плакал?

– Наверно.

– А теперь наоборот – вы плачете, а он смеётся?

– Как же нам не плакать! Нет у нас теперь никого. Ой, сиротинушки мы! Ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестричек...

– Мой отец теперь шакал, мать – лисица, сестрёнки-братишки – жабы да ужи. А сама-то я теперь кто же? Кому нужна? О-о-о! Горе, горе!

– А у меня-то, у меня... О-о-о! Горе, горе! Дом пустой! Все зверями стали, в лес убежали...

– И у меня теперь в лесу все. А мне где же жить? Кого любить?

– Да и как узнать-то своих мать-отца, братьев-сестёр? Звери они теперь лесные. Людей боятся, в чащу прячутся. Неужто никогда больше не увидеть мне их в настоящем, человеческом обличе? О-о-о!

Жители соседних сёл были не на шутку перепуганы. Раньше они много охотились. Мясо шло в пищу, а из шкур делали прочную тёплую одежду на зиму, домашнюю утварь. Как же быть теперь? Подстрелишь кабана или лисицу, а это вовсе не кабан и не лисица, а твой хороший знакомый.

Уныние и печаль охватили всех. Не то что охотиться, войти-то в лес страшно: то ли там люди, то ли звери. Может, поговорить с ними, покормить их? А вдруг сам добычей станешь? На жабу наступишь, а это твоя сестра или дружок закадычный. В змею палкой бросишь, а это тётка, что пирогами часто угощала. А как быть с медведями, шакалами, лисами? Если они посева потравят или кур и уток начнут воровать – объяснять им, как людям, чтобы не безобразили? Или капканы ставить, а потом из шкур шубы шить?

Страшно стало всем жителям этих мест. Охоты лишились, леса лишились... Не ровён час и сами в кого-нибудь превратятся. Эх, да им тоже впору плакать, слёзы лить.

6

Чик, конечно, не подозревал, какой переполох творится из-за него по всей округе. Он проводил дни в размышлениях и прогулках по полям и лесам. Правда, теперь они не доставляли ему такого удовольствия, как раньше. Облако больше не прилетало, а поговорить с разными козьявками и зверьём ему почему-то не удавалось.

Из сердца его не уходила обида. На кого, на что? Наверно, он не смог бы этого объяснить. На то, что его не понимали, не ценили? Что цеплялись к нему, задирали, кололи насмешками? Мыслями Чик часто возвращался к своей победе, заново переживал её, торжествовал. Но при этом как будто всё время с кем-то спорил, как будто всё время оправдывался:

– Ах вы так! А я вот так! Ну-ка, кто кого? А-а-а, вы думали, что со мной можно так? За это я вам – вот как!

Может быть, именно эти чувства мешали ему радоваться жизни и быть таким беспечным, как в прежние дни.

Почему-то Чик совсем не переживал о тех людях, которые теперь в образе животных бегали, ползали и скакали по окрестностям. Он не думал, где они живут, что едят. Его даже не интересовало, кто же они теперь – люди в зверином обличье или настоящие звери?

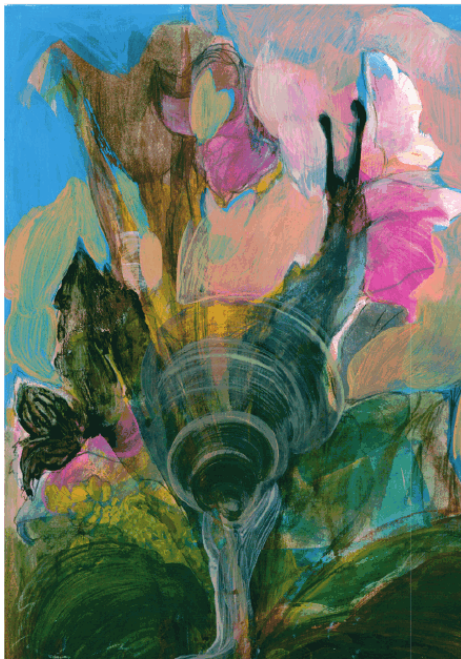
Прошла неделя или больше... Чик стал грустить и скучать.

Удивительное дело: когда он жил среди людей, они совсем не нужны были ему. Чаще всего они мешали и обижали. Он всегда старался избегать их общества. Ему, в одиночку гулявшему по любимым местам, никогда не было скучно. А теперь... Казалось бы, всё складывается как нельзя лучше. людей нет, не надо прятаться от них и терпеть их злые насмешки... Почему же тогда Чик заскучал? Почему ему хочется с кем-нибудь поговорить или даже просто услышать чью-то речь, песню, перебранку? Зачем ему опять хочется рассказывать о себе и своих мыслях, ведь всё равно его не поймут?

Да-а, надоело Чику одиночество. К тому же жить в брошенной деревне совсем не весело. Ревёт привыкшая к уходу скотина, хлопают от ветра ставни и двери, зарастают сорняками аккуратные огороды. Прибавьте к этому, что Чик подьел уже всю еду, наготовленную во всех избах, и теперь ему приходилось заниматься стряпнёй.

И вот однажды Чик решил отправиться в дальнее путешествие по полям, лесам и деревням:

– Поищу счастья в других местах и у других людей. Авось там больше повезёт.

Чик был ещё маленьким и потому не знал, конечно, что своё счастье или несчастье человек делает сам.

Он смастерил себе удобный посох, увязал в узелок кое-какую одежду и еду и радостно отправился в дорогу. От этого путешествия Чик ожидал чего-то нового, интересного, необычного.

Он шёл и весело посвистывал. Ему отвечали голоса птиц, и шустрые кузнечики, сидевшие в высокой траве, успевали

вплести несколько своих трескучих нот в его мелодию. Потом ему стали вторить шорох ветвей и трепетанье стрекозьих крылышек. Солнце, скользя по листьям деревьев, отсчитывало ритм, а трубный зов невидимого оленя вплетал недостающий духовой аккомпанемент.

На душе было легко. Чик опять слышал и понимал голоса природы. Он разговаривал с ней, и она охотно отвечала ему.

Лесная тропинка огибала толстенное засохшее дерево. Оно сразу бросалось в глаза: стояло понурое и неживое посреди солнечного леса. Чик подошёл к нему, улыбаясь, и укоризненно покачал головой:

– Отчего ты засохло? Может, лисицы подгрызли твои корни, когда делали себе нору? Или тебя не пощадили зимние холода? А может, соседние деревья заслонили тебе солнце, и ты перестало расти?

В этот день Чику было так хорошо и весело... Ему хотелось, чтобы всё вокруг радовалось вместе с ним. Он обхватил ладонями ствол дерева, представил, каким красивым и счастливым было бы оно, если бы зазеленело.

– Оживай, – ласково сказал Чик. – Просыпайся и радуйся свету. Пусть птицы выют на твоих ветвях гнёзда, а в почках вызревают семена для новых жизней.

Кора закрипела, ствол напрягся. Чик чувствовал это напряжение своими ладонями. Дерево вздрогнуло, расправило сухие ещё ветки... Почки его стали увеличиваться, расти, потом лопнули, раскрылись, и вот оно уже оделось мягкой,

нежной весенней листвой. Мгновенье за мгновеньем листья расправлялись, росли. Ещё минута, и дерево покрылось тёмной густой зеленью лета – ничем не отличишь его от рядом стоящих деревьев. Даже в голову не придёт, что совсем недавно оно было сухим и мёртвым.

– Уф, – сказал Чик, вытирая пот со лба. – Трудное это дело – приносить радость. Зато как приятно, – прибавил он, со всех сторон оглядывая ожившее дерево.

Да, это было очень приятно. Мелодия Чика стала ещё беспечней, а шаг твёрже, несмотря на усталость.

Таким – весёлым и бодрым – он вышел к околице незнакомой деревни. Он вообще никогда не уходил так далеко от дома, и поэтому любая деревня была для него незнакомой, так же как и люди, живущие в ней. Но не знал Чик и кое-чего ещё. Он не знал, например, что в этой деревне, как и во многих других, известно о нём и о том, что он сотворил со своими односельчанами. Он не знал, что деревни эти посетили страх и уныние. Поэтому и приём, который ожидал его, поразил Чика.

В этой деревне Чик хотел передохнуть, поговорить с людьми, может быть, попросить, чтобы его покормили... Но главное – он собирался поделиться своим радостным настроением, рассказать о дереве, которое он спас. А потом отправиться дальше, чтобы ночевать уже в другой деревне.

Чик задорно шагал, увлечённый этими мыслями. И вдруг услышал странный крик:

– Ай, это он идёт!

– Спасайтесь! Прячьтесь!

– Что такое? – изумился Чик. – Кто идёт?

Он стал оборачиваться, вытягивать голову, заглядывать за заборы, чтобы разглядеть, кто так напугал селян. Но никого не увидел. На улице он был один. А во всех домах хлопали, закрываясь, ставни и двери. Ещё минута этих бухающих звуков, и деревня затихла, будто вымерла. Даже куры не квохтали и свиньи не хрюкали.

«Странно, – подумал Чик. – Что бы это могло значить?»

Он подошёл к одному дому, другому, к третьему, четвёртому – та же история. Недоумение и растерянность Чика сменились раздражением.

– В чём дело? – закричал он на всю улицу. – Что это вы попрятались, как мыши? – И он принялся лупить по ставням и дверям своим посохом.

А в это время в избе на другом краю деревни ожесточённо и торопливо спорили люди:

– Я тебе говорю, так его не возьмёшь! Он же тебя издалека увидит.

– Правильно, правильно. Подкрасться к нему надо.

– Ну подкрадёшься, а дальше что?

– Как что? Колом по башке – так и упадёт.

– Ну давай, раз смелый такой.

– А почему я-то?

– Ты ж сам предложил, сам и иди. Ты что, боишься?

– Почему это боюсь? А так просто...

– Главное, чтобы он не успел повернуться лицом.

– Да-да... Колдун проклятый! А то повернётся и всех превращает.

– Опасное дело мы затеяли.

– Опасное, да. А как иначе освободиться от него?

– О! Кажется, я придумал.

Да, кое-что они придумали. А Чик об этом и не подозревал. Поэтому он совсем не удивился и не испугался, когда за заборами услышал какие-то шорохи и шёпот. Он только обрадовался: наконец-то кто-то появился. Но не успел он и рта раскрыть, чтобы позвать людей, как на него что-то с шумом упало. Раздались крики, топот. Сеть, брошенная из-за забора, опутала Чика. Он пытался выбраться из неё, барахтался, размахивал руками, а к нему уже бежали люди, чтобы этой же сетью связать его, сбить с ног, уничтожить. Когда он понял это, то пришёл в жуткую ярость. Ведь он не хотел им зла, он шёл с добром. За что же? Чику стало страшно: сейчас они его свяжут, схватят свои огромные палки и забьют насмерть.

– Ах вы свиньи проклятые! Шакалы! – закричал Чик. И несколько перепуганных животных с диким визгом понеслись прочь.

Люди на секунду оторопели, но потом ещё более рьяно принялись за своё дело. И самое главное – они решили заткнуть ему рот, чтобы он не мог выкрикивать колдовские слова. Глупцы! Они думали, что всё решает слово. Но ведь

мысль всегда бежит впереди слов! Нужно только чуть больше напрячься. Рот они ему заткнули, но визжащие от страха животные то и дело отскакивали от этой свалки и бежали куда-то сломя голову в ужасе и тоске.

Вскоре около Чика никого уже не было. Он с трудом освобождался от верёвок. В сердце его кипела ненависть.

– Так вот каковы люди, – сквозь слёзы шептал он. – Теперь я знаю, чего от них ожидать. Трусливые и злобные – вот они какие. Они хуже зверей, ведь звери не делают ничего дурного. И живут согласно своей природе. А люди... они недостойны быть даже зверями. Так пусть же гадами ползучими расползаются отсюда. Они не имеют права быть людьми. Гадами ползучими... гадами ползучими... гадами ползучими...

Чик, пошатываясь, шёл по деревне и с ненавистью смотрел на каждый дом. Слово лишь выражает мысль. Но мысль быстрее слова.

Кто в этой деревне уцелел? Пожалуй что никто.

Сразу же после своих подвигов Чик ушёл из этой деревни. Он не думал о том, куда идёт и что будет есть. Он шёл не останавливаясь. Ненависть гнала его.

– За что они меня? – вскрикивал Чик. – Ведь я не сделал им ничего плохого! Наоборот, мне хотелось поделиться с ними своей радостью.

Посохом Чик рубил высокую траву, росшую у тропинки через поле, по которой он шёл. Он делал это так ожесточённо и яростно, словно продолжал сражение со своими обидчиками.

– Значит, все люди такие, – шептал он. – От них одно зло. Они ни о чём не хотят думать, кроме своего урожая и своего скота. Больше их ничего на свете не волнует. И если ты не похож на них... – Голос Чика прерывался, на глазах у него выступили слёзы. – И, если ты не похож на них, они не захотят даже выслушать тебя. Они будут хохотать над тобой, тыкать в тебя пальцем, унижать, кидать вслед грязью... Нет, добра от них не увидишь.

– Они ненавидят меня! – воскликнул Чик, и маленькая птичка испуганно выпорхнула прямо у него из-под ног. – Лети, лети, – пробормотал он, – тебе я не сделаю зла. Но они... но им...

– Они ненавидели меня, потому что я не похож на них! –

опять крикнул он. – А я... Не знаю, любил ли я их раньше, но сейчас я их тоже ненавижу. Ненависть родила ненависть, – бормотал Чик и втыкал свой посох в хорошо утрамбованную тропинку так сильно, что в земле оставались дырки.

– Они все одинаковые, – тряс головой Чик, чтобы слезинки слетели с ресниц. – И они хотят уничтожить меня. Но я им не дам. Они напали на беззащитного... Разве это по-человечески? Нет! А раз так, то они и не будут людьми. Я сам буду уничтожать их везде, где увижу.

– Я против вас, люди! – закричал Чик так громко и страшно, что даже жаворонки в вышине прекратили свои нежные песни. – Посмотрим, кто победит, – зло захохотал он.

На опушке ближайшего леса он упал от усталости и лежал, широко раскинув руки, на тёплой земле под ярким летним солнцем. Он потратил очень много сил, ведь его слова и даже мысли превращались в реальность. А это не так-то просто. Надо всю свою энергию, всю свою волю собрать в одну точку и потом бить без промаха, наверняка, уверенно и жёстко. Сомневаться нельзя: сомнения рассеивают энергию. И тогда ничего не получится.

Да, очень много сил ушло у Чика. Что и осталось-то – непонятно. К тому же в душе его поселилась страшная ненависть. А ненависть тоже отнимает много сил. И сейчас Чик чувствовал себя ужасно: голова горела, ломило кости, бил озноб, в горле пересохло. Он тихонько стонал и старался покрепче прижаться к земле.

Земля и солнце стали понемногу согревать и успокаивать его. Капля за каплей они возвращали ему силы. Боль и озноб уходили, тело наполнялось теплом, а душа покоем. Чик расслабился, отяжелел и был сейчас совершенно равнодушен и ко всему происходящему, и к самому себе. Веки отяжелели и сомкнулись. Яркий свет солнца не мешал.

– Чего-то я не сделал... – пробормотал Чик. – А, Облако... Ну потом, потом...

Он последний раз всхлипнул и заснул.

8

Плохая весть всегда летит как на крыльях. О том, что случилось в двух деревнях, скоро узнал весь край. Люди только и говорили что о мальчишке-колдуне, только и придумывали, как избавиться от него. Но ведь они не знали, как он выглядит. Не нападать же на всех неизвестных мальчиков. Ну а предположим, даже и узнают они его, что с того? Как к нему приблизиться-то? Ведь говорят, он может превращать одною только силой мысли.

Весь край охватила паника. Люди боялись выйти на поля: вдруг встретят того самого мальчика? Люди боялись пойти в лес: вдруг встретят там бывших людей? Люди боялись представить, какая участь может постигнуть их самих. Они боялись думать и понимать, что же случилось с ТЕМИ и как ОНИ теперь живут – не то люди в зверином обличье, не то действительно звери.

А Чик блуждал по этому лесистому краю и уничтожал деревню за деревней. И никто не мог с ним справиться. Подробности одна страшнее другой облетали тех, кто ещё остался.

Начали выставлять дозорных. Они предупреждали о появлении любого неизвестного. И тогда целая деревня скрывалась в лесу, в направлении противоположном тому, откуда появился незнакомец. И часто Чик приходил в совершенно

пустые деревни. Люди убегали в дикой спешке. Двери домов были распахнуты, в кухнях перестоявшееся тесто вылезало из квашни, в печах переваривались щи, на дворах валялись недоколотые дрова, разбежавшиеся куры шастали по огородам...

– Труссы! – кричал Чик. – Сбежали! – И ожесточался ещё больше.

Иногда он в неурочный час возвращался в такие деревни – ведь ему было всё равно, куда идти. И тогда от этих деревень ничего не оставалось, так же, впрочем, как и от других.

Край наполнился невиданным количеством животных, иногда диковинных, никогда не водившихся в этих местах. Жить здесь стало очень страшно. Но и бежать людям было некуда. Да и как бросишь свою родную деревню, всё нажитое добро и пойдёшь неизвестно куда? И тем не менее дороги, тропки и тропочки края стали тесны от людей, которые хотели убежать от своей судьбы и отправились в далёкий путь, чтобы спасти себя и свою семью, тех, кого они любили. Прокормиться им было трудно, опасности могли подстергать их на каждом шагу. Эти пустившиеся в бега крестьяне выглядели настоящими бродягами, голодными, напуганными и злыми. Поди отличи среди них одного мальчика, который всю эту кашу заварил.

Сам Чик тоже выглядел ужасно. Полуголодный, в изорванной одежде, безумно уставший, он шёл наугад от леса к лесу, от деревни к деревне... Куда, зачем? Его вела толь-

ко ненависть. Но сам он уже давно перестал понимать, что заставляет его двигаться вперёд, как долго продлится его странствие и чем оно должно закончиться.

За всё это время он ни разу и словом не перемолвился ни с одним человеком. Да и о чём было с ними говорить? Не о чем. Да и как было поговорить с ними, если при одном только его приближении они в ужасе бросались прочь. Он разговаривал сам с собой. Да ещё, по старой привычке, с тем, что его окружало: с ветром, травой, птицами, букашками... Правда, он заметил, что уже не так хорошо понимает их, а они его. Ненависть ожесточила Чика, мешала думать и чувствовать, страшная усталость не давала вникнуть в перепалку жуков или спор ветра с деревьями. Его это расстраивало, но изменить что-нибудь он был пока не в силах.

Что ты ищешь, Чик? Куда идёшь? Как будешь жить дальше? Он и сам не знает. А остановиться и подумать нет сил.

9

Однажды Чик забрёл в глубокую чащу. Здесь совсем не ощущалось присутствия людей, и от этого ему легче дышалось. Он уселся на пенёк, обхватил голову руками и попытался сосредоточиться: ему хотелось разобраться в себе, в том, что с ним происходит. Долго он так сидел и грезил наяву. Вдруг какой-то нелесной шорох вывел его из задумчивости. Он поднял голову.

По чаще, с кузовком через руку шла девочка, по виду его ровесница. Она неспешно пробиралась между деревьями, иногда наклонялась и трогала траву, но не рвала и переводила взгляд дальше, пытаясь обнаружить то, за чем пришла.

Чик страшно рассердился – и здесь ему не дают покоя. Безмятежный вид девочки его возмутил.

– Что ты здесь делаешь? – закричал он.

Девочка вздрогнула. Она тоже не ожидала кого-нибудь встретить. Разглядев между деревьями Чика, она улыбнулась ему и подошла.

– Здравствуй, – сказала девочка. – Я Ильзя.

– Что ты здесь делаешь? – повторил Чик. Он был так изумлён её бесстрашием, что вопрос прозвучал скорее растерянно, чем сердито.

Девочка опять улыбнулась и показала на свой кузовок.

– А вот ты здесь совсем по другой причине, – продолжала улыбаться Ильзя. Улыбка у неё была мягкая, нежная, и Чик даже расхотелось кричать на неё.

– Разве? – только и спросил он.

– Ведь ты прячешься от людей?

– Да ты хоть знаешь, кто я? – задохнулся от гнева Чик.

– Конечно, я сразу догадалась.

– Так мне ли от них прятаться? Это они прячутся от меня, бегут, как зайцы, – гордо вскинул голову мальчик.

– Да ты не сердись, – сказала Ильзя, присаживаясь рядом на поваленное дерево. – Тебе ведь хочется поговорить с кем-нибудь. Вот и поговори со мной. С ними-то поговорить ты не можешь.

– Это ещё почему?

– Да потому, – засмеялась Ильзя. – Либо они должны одолеть тебя, либо ты их. Тут уж не до разговоров. Тут вопрос жизни и смерти. Но долго так продолжаться не может, – серьёзно прибавила она.

– От людей одно зло, – набычившись, сказал Чик. – Их всех надо уничтожить.

– Какой жестокий приговор, – покачала головой девочка, – к тому же несправедливый. Разве одно зло?

– А ты много добра видела от людей? – оживился Чик. Ему вдруг действительно захотелось поговорить с этой девочкой. Ей было столько же лет, сколько ему, она была, кажется, тоже одинока, и разговаривала она приятно и разум-

но.

– Много ли? – задумалась Ильзя. – Я не знаю, как это мерить – много, мало. К тому же зло и добро так перемешаны... Порой хороший человек делает зло, а случится – и злой делает добро.

Она помолчала, размышляя.

– У меня нет родителей, – сказала Ильзя печально. – Кому я нужна? Но люди не дали мне погибнуть – кто мог, тот помогал, кто нет, шёл мимо. Зла было много, но я жива, значит, добра всё-таки больше.

– Я тоже сирота, – оживился Чик. – Я даже не знаю почти ничего о своих родителях. У меня только Старший Брат есть... то есть был...

– А почему «был»? Он что, тоже умер?

– Нет, не совсем, но... его больше нет.

– Так ты и его не пощадил? Как же ты мог? Ведь это твой брат. К тому же он заменил тебе родителей. Да и любил тебя, наверно, очень.

– Нет! – вскричал Чик. – Никто никогда меня не любил! Все меня только гнали. И я стал злым и жестоким. Я не был таким, это сделали люди! Значит, зла больше!

– Знаешь, – вздохнула Ильзя, – я думаю, и зло и добро умеют расти, как всё живое. Ты злом ответил на зло. Вот оно и вернулось к тебе, став ещё больше и сильнее.

– А что же, я должен был всё время терпеть?! И даже не сметь защитить себя?

– Не знаю. Нет, наверно. Но ведь у тебя такой прекрасный дар... А ты воспользовался им как-то странно, неправильно, мне кажется.

Настроение у Чика переменялось. Ему больше не хотелось разговаривать. И девочка стала его раздражать. Может, он разозлился оттого, что она вслух высказала его же собственные, но не очень приятные мысли. Может, просто отвык, что кто-то может ему возражать... Но только остановить вспыхнувший гнев он уже не мог. Да и чего ради было сдерживать себя? Он вскочил, стал размахивать руками. Он становился всё злее и злее.

– Откуда тебе знать – правильно, неправильно? – возмущался Чик. – Что ты здесь сидишь поучаешь?! Чем ты лучше других?! Какое ты имеешь право... Улыбается ещё! – Чик уже кричал во весь голос.

Ильзя побледнела, улыбка сошла с её губ. Она медленно поднялась и прижала кузовок к груди.

– Да знаешь ли ты, что я с тобой сейчас сделаю?! – бушевал Чик. Он и сам не заметил, когда так успел испортиться его характер.

– Я думала, тебе станет легче, если ты поговоришь с кем-нибудь, – прошептала Ильзя.

– Ты думала! Вразумлять меня взялась!

– Не кричи. Я не боюсь тебя.

– Не боишься, да? – захохотал Чик.

– Да, – сказала она, – не боюсь. Человеческая душа останется человеческой, куда бы ты ни поместил её. И рано или поздно она одолеет свою оболочку. А вот с тобой произойдёт всё наоборот.

– Что?! Что ты сказала?!

– Тебе лучше знать, – проговорила Ильзя побелевшими губами. – Душа у тебя становится злобной, звериной, совсем не человеческой... И скоро сам ты превратишься в зверя, и

тогда тебе не освободиться. Так зверем и останешься. – Она с грустью и сочувствием смотрела на Чика.

– Всё! – закричал Чик. – Ты надоела мне! Ты будешь... ты будешь... знаешь кем?

– Подожди... – Девочка умоляюще протянула руку.

– Что, испугалась? – злорадно захохотал Чик.

– Нет. Просто я не могу оказаться неблагодарной.

– Что это значит? – спросил Чик надменно.

– Меня ждёт больной старик. Это ему я собирала травы и корни. Когда-то он научил меня этому. А сейчас он умирает. Но я хочу, чтобы дедушка жил. Знаешь, он подобрал меня, когда я уже не могла двигаться от голода и холода. Подобрал и спас. Я вылечу его и приду. Тогда можешь превращать меня в кого угодно.

– Ах вот как, – презрительно скривил губы Чик. – Такая ты, значит, хорошая, добрая, благодарная... Конечно, рядом с тобой я выгляжу просто чудовищем. Ну так чудовищем я и останусь! Не дам тебе лечить какого-то там старика! Я превращу тебя...

Чик на секунду задумался: какой облик больше всего подходит этой девочке? Аккуратненькая, ладненькая... Сарафанчик хоть и из грубого холста, но чистенький, беленький...

– Ты будешь берёзкой! – И Чик ткнул пальцем в сторону девочки.

Она стояла, сжав губы, и исподлобья смотрела на Чика.

Прошло мгновение, другое. Всё в той же напряжённой позе стояла девочка, а Чик застыл, изумлённо вздёрнув брови.

– Ты будешь берёзкой! – вскричал он снова, топнув ногой и опять ткнув в Ильзю пальцем.

Она ещё плотнее сжала губы, глаза её расширились и упрямо смотрели на Чика.

Прошли томительные секунды. Палец Чика опустился, рот приоткрылся от удивления. Девочка вздохнула, напряжённость её исчезла, взгляд опять стал мягким и спокойным.

– Ты не всемогущ, – сказала она просто. – Есть кое-что сильнее твоего зла. Мне жаль тебя. Ты растрачиваешь свои силы и свой дар напрасно. Сейчас мне пора. – Она помолчала. – Но, кажется, мы ещё встретимся. И тогда договорим, что не успели.

Ильзя повернулась и, подхватив кузовок, ушла в чащу.

Чик смотрел ей вслед, как замороженный, пока она не скрылась из глаз. Может быть, и не было её? Только ветви колыхались там, куда она ушла. Значит, всё-таки была?

Уже только лёгкий ветерок качал верхушки деревьев, а Чик всё стоял и смотрел в ту сторону, куда скрылась девочка. Может, она опять появится и объяснит, что всё это значит? Но она не появлялась. Чик тяжело опустился на пенёк. Первый раз у него не получилось. Может, он вообще потерял свой дар? Он стал оглядываться по сторонам, разыскивая глазами, на чём бы испробовать свою силу. Его внимание привлекла замысловатая коряга. Он стал разглядывать её, представлял то так, то этак. Потом всмотрелся пристальнее, сосредоточился... И вот с земли поднялся величественный олень с раскидистыми рогами, повёл на него влажным глазом и удалился, не торопясь, в чашу.

– Уф, – Чик вытер пот со лба. – Удалось, – значит, дар свой он не утратил. Тогда в чём же причина? Она говорила... есть кое-что посильнее... Это, верно, о том, что она собиралась помочь старику... Она беспокоилась о нём и хотела сделать доброе дело. А я какое? Берёзка – это не так уж плохо. Но её намерение оказалось важнее. А может, ещё и добрее? Да, конечно, ведь помогать – это хорошо. Я и сам когда-то помогал. А теперь я никому не помогаю. Я стал злым. Она сказала, что я превращаюсь в зверя. Но что-то этого не видно. Те – раз, и побежали кабанами, поползли гадами. Это сразу видно. А я человек. Хотя внутри... Кто его знает, что внут-

ри. Зверь может быть добрым и разумным, а человек злым. Поди разберись, кто из них кто. Загадка! Да, но я-то только злых превращаю. Впрочем... все они злые и гадкие. Или не все? Я их ненавижу. А вдруг не все они такие? Вдруг я в чём-то ошибаюсь? Нет, раз превращаются – значит, такие. Зря не превратятся. Она же не превратилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.